

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 27–726.2(091)

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ АРХИПАСТЫРИ РОССИИ: СЛУЖЕНИЕ В 1917 – СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГОДОВ¹

М. В. Каиль

Смоленский государственный университет, *кафедра истории России*

В статье рассматриваются внутрицерковный и социальный статус православных епископов в послереволюционной России. Автор анализирует политические и другие условия епископской деятельности миссии, специфику взаимоотношений епископов с центральной церковной администрацией, провинциальным православным обществом и властью. Автор рассматривает объективные условия функционирования институтов церкви в провинции в 1917 – середине 1920-х гг.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, епископат, православие, провинция.*

Провинциальный епископат, являясь привилегированной группой православного общества со специфичным внутрицерковным и общественным статусом, после 1917 г. в условиях утверждения новой государственной власти, оказался в тяжёлом положении. Над ним довлела очевидная связь с прежним государственным аппаратом, естественные подозрения в оппозиционной настроенности в отношении большевиков, а также конфронтационный отголосок ряда церковных актов, определявших официальную позицию церкви в отношении свершившейся революции².

В сегодняшней историографической ситуации (в условиях отсутствия специальных исследований по истории провинциальной иерархии³)

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-31-00331а2. Статья подготовлена в рамках Темплана Минобрнауки РФ 6.4687.2011.

² См.: Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: док. и фотоматер. М., 1996. С. 13–25; Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России. 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 70–71, 82–85; *Каишваров А. Н.* Разработка на Поместном Соборе 1917–1918 гг. официальной позиции Церкви в отношении советской власти и ее религиозной политики // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России: К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008. С. 94–106.

³ При этом история видных архипастырей исследована детально. См.: *Мазырин А., иер.* Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах / науч. ред. прот. В. Воробьев. М., 2006; *Лобанов В. В.* Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М., 2008; *Косик О. В.* Истинный воин Христов: Книга о священномученике Дамаскине (Цедрике). М., 2009; *Её же.* Алчущие правды: Документы церковной полемики. 1927 г. / сост., авт. вступ. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик, отв. ред. прот. В. Воробьев. М., 2010.

представляется, что изучение истории епископата на локальном уровне (в масштабах отдельной епархии) средствами микроистории позволяет выявить ряд особенностей положения и специфики деятельности архипастырей провинции, не свойственных центральным церковным органам и характерным исключительно для этой группы православного общества.

Епархиальные архиереи как представители высшей церковной власти на местах разделяли ответственность за политические заявления церковного руководства, озвученные в период утверждения власти большевиков. Этим обстоятельством, ходом реализации советского «церковного» законодательства местной властью, а также настроением широких кругов церковной общественности (клира и мирян) и определялось положение каждого провинциального архиерея.

При этом в постреволюционное время в целом возрастает влияние православного общества (особенно мирян) на определение судеб архипастырей. Если в Синодальный период, до 1917 г., перемещения архиереев всецело осуществлялись синодальными структурами, то после октября архиерейская власть, особенно получив опыт «церковной революции» весны 1917 г., сопровождавшейся изгнанием с кафедр ряда владык⁴, была вынуждена искать опору в церковном народе. Этот же фактор в сочетании с личной политической позицией конкретного архиерея определял возможность выстраивания его диалога с местной светской властью и обществом, а следовательно, и перспективы государственно-церковных отношений в регионе.

Отмеченные тенденции в полной мере находят подтверждение в истории иерархии Смоленской епархии. Последним дореволюционным архиереем епархии был епископ Феодосий (Феодосиев) (1864–1943). Выходец из Украины, прошедший служение у себя на родине, затем в Минске, Туле, в феврале 1908 г. он был назначен на Смоленскую кафедру после довольно скандальной отставки своего предшественника. Он окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, но не оставил богатого богословского наследия⁵. Его служение на Смоленской кафедре запомнилось решительной борьбой с «зелёным змием», характеризующим архипастырем как «главный враг народного благочестия»⁶, пышным приёмом царских особ, посетивших Смоленск в 1912 г., и деятельной помощью раненым, беженцам и пострадавшим в годы Первой мировой войны.

В революционном круговороте епископ Феодосий сумел занять единственно верную позицию – умиротворять страсти, бушевавшие как в среде православных мирян, так и младших членов причта. Епископ демонстративно предоставил свободу действий епархиальному съезду духовенства и мирян, собравшемуся в мае 1917 г. Присутствуя на отдельных заседаниях, ар-

---

⁴ *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008.

⁵ См.: *Феодосий, иером.* Красота природы с пастырской точки зрения. Чернигов, 1898.

⁶ *Всероссийский церковно-общественный вестник.* 1917. 13 декабря. С. 4.

хипастырь призывал к мудрому реформированию церковной жизни, избегая ошибок прошлого, и получил полную поддержку делегатов съезда⁷.

Знаком доверия со стороны высшей церковной власти стало возведение Феодосия в сан архиепископа к Пасхе 1918 г., за которое он сердечно благодарил патриарха Тихона⁸. Однако 1918 г. стал последним годом пребывания на кафедре архиепископа. Известно, что в конце 1918 – начале 1919 г. он выехал в Польшу, где вскоре примкнул к Польской автокефальной церкви, служил на Виленской кафедре до увольнения на покой в 1939 г., успев в конце жизни воссоединиться с Московской Патриархией.

Ход событий привел в 1918 г. на Смоленскую кафедру в качестве викария бывшего епископа Орловского Макария (Гневушева), чья судьба была в полной мере переплетена с реалиями российских революций 1917 г. Принявший в 1908 г. монашеский постриг, о. Макарий – видный член монархического движения. По рождению сибиряк, получивший образование в Киеве⁹, он работал епархиальным миссионером и преподавателем, вскоре после принятия монашества стал настоятелем Высокопетровского, а затем Новоспасского монастыря – крупных и богатых обителей старой столицы¹⁰. В успехах «духовной карьеры» очевиден «монархический след», ясно характеризующий и положение архипастырского корпуса предреволюционной России. Будучи последовательным монархистом, архимандрит Макарий не раз участвовал в организации выборов в Думу, публиковал проникнутые монархической идеей работы и на долгое время стал ближайшим соратником председателя Русского монархического союза И. Восторгова¹¹. Молва связывала имя Макария и с Г. Распутиным. Не раз архимандрит попадал в скандальные ситуации – Синод расследовал дело о его растрате при монастырском строительстве, московские обыватели жаловались на нововведения настоятеля Новоспасского монастыря¹². Но ничто не мешало возвышению архимандрита-монархиста, и в 1914 г. он получил назначение викарием на Нижегородскую кафедру, откуда в январе 1917 г. был переведён уже в статусе правящего епископа в Орел¹³. Однако грянула революция, причём не только государственная, социальная, но и церковная. Вследствие возникновения в Орловской епархии радикально настроенной группы духовенства и мирян (требовавшей удаления епископа), интриг в Синоде и определённой позиции обер-прокурора В. Н. Львова, настроенного на «очищение» и обновление российского епископата, Макарий был

⁷ Смоленские епархиальные ведомости. 1917. № 11–12. С. 306–307.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 4652. Оп. 1. Д. 4. Л. 63.

⁹ Архив Управления ФСБ Смоленской области (далее – АУФСБ СО). Арх. № 26797–с. Л. 75.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 27. Л. 4.

¹¹ Русское монархическое собрание. Постановление правления 10 декабря 1909 г. М., 1910. С. 1–7.

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 168.

¹³ Там же. Д. 27. Л. 21.

уволен с кафедры (формально по собственному прошению) с назначением настоятелем Спасо-Предтечевского монастыря уездного города Вязьмы Смоленской епархии¹⁴.

Здесь настоятель монастыря, будучи бесспорно одаренным проповедником, вскоре снискал уважение и любовь новой паствы, ходатайствовавшей о его назначении викарием. Проповедничество и шлейф монархических связей мешали Макарию вписаться в новую действительность. В июле 1918 г. он стал фигурантом судебного процесса в отношении укрывавших монастырские ценности от реквизиции¹⁵. В августе при попытке обыска и ареста епископа на его защиту встали вязьмичи (в этом случае широкая общественная поддержка ему лишь навредила), что было квалифицировано как антисоветское выступление, а под воздействием покушений на советских вождей смоленская ГубЧК приняла решение о расстреле только что назначенного вяземским викарием епископа¹⁶.

Такая судьба для представителя епископата в Советской России не была исключением. Епископ Макарий значился третьим в патриаршем «Списке лиц, пострадавших за веру и церковь...»¹⁷, но в последующие годы число жертв политических репрессий среди архипастырей будет умножаться.

Уход с кафедры архиепископа Феодосия и гибель епископа Макария открыли период «архиерейской чехарды», характерный практически для всей канонической территории Российской православной церкви в первой половине 1920-х гг. Причин такого положения дел было несколько. Среди них юрисдикционные сложности, усугубившиеся временным устранением патриарха от руководства церкви в 1922–1923 гг. и обновленческим расколом, а также репрессиями, заставлявшими перемещать епископов. Влияла на епископат и социально-экономическая обстановка (нередко назначенные не могли выехать к новому месту службы, вернуться в свою епархию, возникали и сложности с материальным обеспечением епископата).

В 1919–1923 гг. управление Смоленской епархией осуществлялось последовательно тремя иерархами. В период отъезда Феодосия (Феодосиева) временно управляющим епархией (в конце 1918 – начале 1919 г.) был Павел (Ивановский), викарий Владивостокской епархии, выехавший вместе с правящим епископом Евсеием (Никольским) в Москву для участия в работе Священного Синода. По представлению архиепископа Феодосия Павел был назначен викарием Вяземским после гибели Макария (Гневушева) в сентябре 1918 г. и временно управлял епархией¹⁸ до нового назначения на Смоленскую кафедру Евсевия (Никольского). Однако уже в феврале

¹⁴ Подробнее см.: *Каиль М. В.* Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны: государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы. М., 2010. С. 34–45.

¹⁵ Известия исполнительного комитета Советов Западной области. 1918. 24 августа. С. 3.

¹⁶ АУФСБ СО. Арх. № 26797–с. Л. 5, 75, 96; Известия исполнительного комитета Советов Западной области. 1918. 5 сентября. С. 2.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 563. Л. 443.

¹⁸ Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. 1232. Оп. 1. Д. 187. Л. 7; Д. 186. Л. 25–26.

1920 г. Евсевий получил высокое назначение и стал заместителем Патриаршего престола, был возведён в сан митрополита Крутицкого и являлся близким помощником патриарха вплоть до своей кончины в феврале 1922 г.

Еще в апреле–мае 1919 г. на Смоленскую кафедру, как это следует из источников, Синод определил епископа Аляскинского Филиппа (Ставицкого) (1884–1952), прибывшего по вызову в Синод, но не имевшего возможности вернуться в свою отдалённую епархию. Соединённое присутствие Синода и ВЦС даже решало тогда вопрос о жаловании временно управляющего епархией¹⁹. На долю этого архипастыря пришёлся самый сложный период в истории епархии, которой он управлял фактически до 1923 г. (формально до 1928 г.). Епископ Филипп был высоко образован, являлся автором ряда богословских трудов. Родился и семинарское образование он получил на Волыни, затем окончил МДА, приняв постриг, был зачислен в братию Киево-Печерской лавры, а в 1915 г. назначен ректором семинарии в Нью-Йорке, через год хиротонисан во епископа Аляскинского²⁰. Прибыв в 1917 г. в России, вернуться в епархию не смог и проживал в Москве до своего назначения в Смоленск.

Епископ Филипп был безусловно одарённым архипастырем. Примечательно, что относился он к молодому поколению православной иерархии. Этим, возможно, объяснялись некоторые его суждения и поступки в драматичный период церковной истории 1920-х гг. Епископ уже осенью 1920 г. оказался в центре громкого судебного процесса, возникшего в ходе ликвидации структурами исполкома Смоленского епархиального совета. В своих показаниях, данных в январе 1921 г., епископ так характеризовал своё отношение к положению Православной церкви в государстве и обществе: «Мне как служителю церкви всегда было противно, что наше духовенство политиканствует, поэтому я себя в Америке чувствовал очень хорошо, где был далек от политики. В виду этого я никогда ни к каким партиям не принадлежал. То, что раньше церковь находилась под протекторатом государства я находил ненормальным т. к. церковь от этого страдала в своей высоте и чистоте т. е. ей приходилось приспособляться к существующей государственной власти и даже иногда быть проводником политических идей, поэтому декрет об отделении церкви от государства я нахожу вполне целесообразным и правильным»²¹. Однако даже весьма лояльные по отношению к власти заявления епископа не избавляли от преследований, и епископ был обвинён в том, что «руководил антисоветской работой Епархиального совета, ставшего на почву невыполнения декретов Советской власти...»²². По приговору трибунала, венчавшего этот однозначно показательный судебный процесс над представителями всех конфессий региона, он был обязан покинуть епархию в течение двух суток²³.

¹⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 23. Л. 55.

²⁰ Там же. Ф. 797. Оп. 86. Отд. 3. Ст. 4. Д. 95. Л. 2, 10.

²¹ ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1723. Л. 89–90.

²² Там же. Л. 254.

²³ Каиль М. В. Судебные процессы над провинциальным духовенством и верующими 1918 – 1922 годов: характер, границы и степень репрессивного воздействия // История

Однако в той ситуации епископу была оказана широкая общественная поддержка – было организовано петиционное движение. Среди подписавших прошения об отмене приговора были не только православные общины, но и рабочие коллективы предприятий и мастерских, служащие губернской администрации и даже сотрудники военного отдела Запфронта!²⁴

После судебного процесса 1921 г. епископ Филипп автоматически попал в группу риска, состоявшую из политически неблагонадежных, подозрительных, опасных и латентно нелояльных к власти. Поэтому вполне естественно, что на волне очередного обострения государственно-церковных отношений весной 1922 г. епископ стал фигурантом еще одного масштабного следствия и судебного процесса по итогам кампании по изъятию церковных ценностей. При этом возможностью выбора действенной защиты от преследований епископ практически не обладал. Уже в первом директивном документе, регламентирующем изъятие ценностей, полученном в Смоленске в начале марта 1922 г., указывалось: «... поговорить в Филиппом в том смысле, что контр-революционные заправилы пытаются вовлечь его в тяжелую историю и что он должен категорически выступить против них»²⁵. Но если в отношениях со светской властью епископу в новых условиях была уготована роль заложника, то религиозное общество перед лицом репрессий не проявляло былого единодушия в его поддержке. Так, известно, что одна из городских общин, недовольная вмешательством епископа в свои внутренние дела, пыталась опубликовать в местной советской газете очерняющую епископа статью²⁶, а некоторые смоленские протоиереи, входившие в ближний круг иерарха, дали показания, по сути возлагающие на него ответственность за получение и распространение воззваний патриарха Тихона, а также принятие ряда «кадровых» решений, идущих вразрез с политикой Советов²⁷.

На протяжении нескольких месяцев Филипп находился в заключении. В это время он выступил с рядом провластных заявлений и обращений, которые публиковались на страницах центральной и местной печати. И тем самым способствовал распространению «платформы обновленчества»²⁸. Не выдержав давления, епископ в начале 1923 г. сложил с себя управление епархией и удалился в монастырь.

Однако, в свете развития обновленческого движения, такая его позиция не могла устроить власти – Филипп вновь был арестован и в мае 1923 г. помещён в Бутырки, его дело отправлено на санкцию СО ГПУ. 2

сталинизма: репрессированная российская провинция: матер. межд. науч. конф. Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / под ред. Е. В. Кодина. М., 2011. С. 342–344.

²⁴ ГАСО. Ф. р–47. Оп. 1. Д. 1722. Л. 1, 16–39.

²⁵ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИ-СО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1227. Л. 1.

²⁶ АУФСБ СО. Арх. № 11018–с. Л. 65.

²⁷ Там же. Л. 104, 144–147.

²⁸ Известия ВЦИК. 1922. 7 июля. С. 3; Рабочий путь. 1922. 8 июля. С. 5.

июня в связи с отсутствием состава преступления Уншлихт предписал: «Ставицкого освободить»²⁹.

В результате этих событий в епархии начался период борьбы за церковную власть между представителями патриаршей церкви и обновленческого ВЦУ.

Оставляя в январе 1923 г. кафедру, Филипп каноническим путём передал власть одному из своих vikariev – Венедикту (Алентову) (1888–1937). Окончивший СПбДА и оставленный там преподавать, в 1914 г. он был переведён на преподавательскую должность в МДС, в 1919 г. стал иеромонахом Данилова монастыря в Москве, где и встретился с епископом Филиппом, пригласившим его в Смоленск епархиальным секретарем, а в 1921 г. рукоположившим во епископа Вяземского vikaria Смоленской епархии. В то же время в качестве второго vikaria епархии с 1921 по 1923 г. пребывал епископ Гжатский Феофан (Березкин), третьим vikarием был епископ Рославльский Вениамин (Глебов). Именно вошедшее в практику работы структур патриархии увеличение числа епископов позволило временно сдерживать распространение обновленчества, в том числе и на территории Смоленской епархии, передавая временное управление епархией из ведения преследуемого архиерея находящемуся в тот момент на свободе.

Угрозы же епископам патриаршей ориентации исходили как из обновленческого ВЦУ, так и от светских властей, порою действовавших в тесном союзе со структурами обновленческой администрации. Так, в декабре 1922 г. ВЦУ напрямую адресовало Смоленскому ГПУ свои распоряжения о перемещении из епархии правящего епископа Филиппа (Ставицкого), Рославльского епископа Вениамина и настоятеля монастыря Рафаила (Баутина) – «слагая с себя ответственность за их (иерархов. – М. К.) дальнейшее пребывание на местах»³⁰. ВЦУ толкало ГПУ на вполне однозначные меры – вытеснение из епархии, зачастую посредством возбуждения уголовных дел. Вскоре сложился и шаблон подобных дел: в вину «тихоновцам» вменяли антисоветскую агитацию, посвящение в сан бывших белых офицеров и дворян (в этом усматривали сознательный факт сокрытия преступного прошлого и создание основы мнимых контрреволюционных организаций).

Каждый из указанных в письме ВЦУ иерархов подвергся судебному преследованию в 1923 г. Лишь Венедикт (Алентов) был осуждён в 1927 г. Секрет был прост – по данным инфосводки ГПУ от февраля 1923 г. епископ значился сочувствующим обновленческому течению «Союз возрождения»³¹ – это обстоятельство, вероятно, и позволило ему безболезненно пройти острый период борьбы за власть в епархии 1923–1924 гг. Епископ Венедикт, как видно, заботился не столько о своей безопасности. Публично признавая обновленцев и обличая «тихоновскую реакцию», он просил светские власти ни

²⁹ АУФСБ СО. Арх. № 2646–с. Л. 106.

³⁰ Там же. Л. 21.

³¹ Российский архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 164. Л. 3–9.

много ни мало пересмотреть декрет от 23 января 1918 г. и легализовать всех осудивших «контрреволюционные действия» патриарха.

О положении смоленского епископата красноречиво свидетельствуют и источники «приходского уровня» – письма отдельных смоленских приходов и священников, адресованные патриарху Тихону после его освобождения из-под ареста в июне 1923 г. Прихожане Петропавловской церкви Смоленска «нижайше просили» о возвращении на Смоленскую кафедру епископа Филиппа, «незаконно взятого от нас еретиками». 11 прихожан сообщали: «Духовенство нашего прихода не оказалось твёрдым в православной вере и все присоединилось к обновленцам, которые во главе со своим так называемым архиепископом Алексием ругают Вас и возбуждают против Вас народ»³². Эмоциональное письмо раскрывает картину религиозной жизни Смоленской провинции 1923 г. Как видно, обновленчество нередко делило православных не только «горизонтально» – когда в раскол уходили целые приходы во главе с настоятелем, но и «вертикально» – когда стойкие в вере прихожане отделялись от своих пастырей-раскольников. Осенью с просьбой о назначении на кафедру патриаршего епископа писали патриарху и представители смоленского духовенства – настоятели Ильинской и Нижне-Никольской церквей, сообщившие, что «Епископ Венедикт Вяземский, коему Вы поручали попечение о нас, окончательно отказался от всякой связи с нами по соображению известному Вашему Святейшеству»³³. Они же дают самую точную статистику раскола, упомянув, что к октябрю 1923 г. 15 из 29 смоленских приходов остались верны патриарху.

Известно, что судьба обновленчества интересовала светскую власть. С 1922 г. церковная проблематика, и раскол в особенности, становится неотъемлемым предметом информационных сводок ОГПУ. Эти материалы существенно дополняют данные о положении смоленского епископата. Первым обновленческим иерархом в Смоленской епархии стал Алексей (Дьяконов) (1872-?) (непродолжительное время в 1923 г. на кафедре формально пребывал и Михаил Попов), назначенный в мае 1923 г. и долгое время объединявший под своей властью ещё и несколько епархий Белоруссии. В отличие от большинства обновленцев он имел высшее духовное образование, закончил Казанскую ДА, служил священником в Саратове и выдвинулся в 1922 г. своими обличениями «контрреволюционного черного духовенства»³⁴. Он, бесспорно, относился к числу наиболее политически ангажированных живоцерковников, сотрудничал с ГПУ, был противником любых компромиссов с патриархом и призывал обновленцев «идти в народ и объединить всех под единым флагом»³⁵. Этот воинственный радикал не выбирал средств для борьбы и запомнился современникам своим грубым нравом.

³² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 85, 87.

³³ Там же. Л. 150.

³⁴ *Шиленок Дмитрий, свящ.* Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939). М., 2006. С. 119–120.

³⁵ *Левитин-Краснов А. Э, Шавров В. М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 72.

Однако не все пасовали перед грубой силой обновленцев. Так, в сводке ОГПУ за октябрь 1922 г. сохранились сведения о том, что епископ Рославльский Вениамин (Глебов) «прогнал уполномоченного ВЦУ, разжаловав попов обновленцев»³⁶.

Осенью 1923 г. патриарх, возможно, под воздействием корреспонденции из Смоленска, принял решение назначить на Смоленскую кафедру временно управляющим Валериана (Рудича) (1889–1938). В епархии новый архипастырь был принят с большими надеждами и повёл решительную борьбу с обновленцами, прежде всего за символически значимый кафедральный Успенский собор. Активность епископа Валериана дала плоды. К началу 1924 г. обновленцам принадлежало только 3 храма губернского города. Распространились случаи погромов домов и приходов отдельных обновленцев³⁷. Светская власть быстро отреагировала на успехи патриаршего ставленника – 16 апреля 1924 г. он был арестован, этапирован в Москву, но вскоре освобождён. В декабре 1925 г. вновь арестован. На сей раз его дело закончилось высылкой в Среднюю Азию. За арестом православного лидера патриаршей ориентации последовали новые успехи обновленчества в регионе. С 1924 г. сужаются также и возможности церковного центра (патриарха и Синода) для оперативного реагирования на ситуацию в провинции.

В 1923 г. патриарх принял в общение Филиппа (Ставицкого), официально поддерживались контакты с Гжатским, Вяземским и Рославльским викариями³⁸, но их позиция под воздействием быстро меняющейся политической обстановки, как видим, не оставалась неизменной. Нужды физического выживания нередко доминировали над интересами церковного единства и верности пастве и священноначалию.

Изучение положения смоленского епископата постреволюционного периода подтверждает гипотезу о политической ангажированности самого статуса епископа, разделявшего с точки зрения светской власти ответственность за позицию высших церковных органов, а также показало значительную обусловленность возможностей епархиального администрирования установлением контактов с местной властью и поддержкой широких слоёв православной общественности.

Так, даже осуждённому в 1921 г. трибуналом к высылке епископу Филиппу благодаря петиционному движению, объединившему епархию, удалось остаться на кафедре, но решение трибунала негласно определяло его в группу риска, представители которой с неизбежностью вновь оказывались на скамье подсудимых на новом витке обострения государственно-церковных отношений.

---

³⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) М., 2001. Т. 1. Ч. 1: 1922 г. С. 298–299.

³⁷ Архивы Кремля: в 2-х кн. Новосибирск; М., 1998. Кн. 2: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. С. 376.

³⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 218. Л. 320–321, 333–335.

Ещё трагичнее и predeterminedнее складывалась судьба иерархов с хорошо известным монархическим прошлым (активных деятелей монархического движения). Так погиб епископ Вяземский Макарий (Гневушев).

Список литературы:

1. *Каиль М. В.* Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны: государственно-церковные отношения и внутриконтрессиональные процессы. М., 2010.
2. *Каиль М. В.* Судебные процессы над провинциальным духовенством и верующими 1918 – 1922 годов: характер, границы и степень репрессивного воздействия // История сталинизма: репрессированная российская провинция: матер. межд. науч. конф. Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / под ред. Е. В. Коди́на. М., 2011.
3. *Кашевара́в А. Н.* Разработка на Поместном Соборе 1917–1918 гг. официальной позиции Церкви в отношении советской власти и ее религиозной политики // Материалы Международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России: К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона». М., 2008.
4. *Левитин-Краснов А. Э, Шавров В. М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.
5. *Шиленок Димитрий, свящ.* Из истории Православной Церкви в Белоруссии (1922–1939). М., 2006.

THE PROVINCIAL BISHOPS IN 1917 – THE MIDDLE OF 1920TH: MUTUAL RELATIONS WITH THE SECULAR POWER AND THE SOCIETY

M. V. Kail'

The Smolensk State University, Chair of history of Russia

The article considers the intrachurch and social status of the orthodox bishops in postrevolutionary Russia. Political and other conditions of bishops mission, specificity of mutual relations of the bishops with the central church administration, provincial orthodox society and the power are analyzed. Objective operating conditions of church institutes in a province in 1917 – the middle of 1920th are considered.

Keywords: *Russian Orthodox Church, the episcopate, Orthodoxy, a province.*

Об авторе:

КАИЛЬ Максим Владимирович – Смоленский государственный университет, кафедра истории России, кандидат исторических наук, e-mail: mvkail@mail.ru

About the authors:

KAIL' Maksim Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Smolensk State University, Chair of History Russia (214000, Smolensk, Przewalski Street, 4), e-mail: mvkail@mail.ru

References

- Kail' M. V. Pravoslavnaya tserkov' i veruyushchie Smolenskoj eparkhii v gody revolyutsii i Grazhdanskoj voiny: gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya i vnutrikonfessional'nye protsessy. M., 2010.
- Kail' M. V. Sudebnye protsessy nad provintsial'nym dukhovenstvom i veruyushchimi 1918 – 1922 godov: kharakter, granitsy i stepen' repressivnogo vozdeistviya // Istorija stalinizma: repressirovannaya rossiiskaya provintsiya: mater. mezhd. nauch. konf. Smolensk, 9–11 oktyabrya 2009 g. / pod red. E. V. Kodina. M., 2011.
- Kashevarov A. N. Razrabotka na Pomestnom Sobore 1917–1918 gg. ofitsial'noi pozitsii Tserkvi v otnoshenii sovetskoi vlasti i ee religioznoi politiki // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii «1917-i: Tserkov' i sud'by Rossii: K 90-letiyu Pomestnogo Sobora i izbraniya Patriarkha Tikhona». M., 2008.
- Levitin-Krasnov A. E, Shavrov V. M. Ocherki po istorii russkoj tserkovnoj smuty. M., 1996.
- Shilenok Dimitrii, svyashch. Iz istorii Pravoslavnoj Tserkvi v Belorussii (1922–1939). M., 2006.

Статья поступила в редакцию 23.01.2012.